

Марина Киселева*

«Русская весна» 1917-го года в публицистике Николая Бердяева и Максима Горького**

«Русская весна» 1917 г. принесла в страну революцию. И это – не поэтическая метафора. Кто-то может увидеть своего рода моду в таком эпитете, если вспомнит «Пражскую весну» 1968 г. или даже современные события на арабском Востоке, которые журналисты любят называть «арабской весной». Однако тексты времени первой русской революции столетней давности обнаруживают, что события в Петрограде и Москве современники называли «мартовской революцией», несмотря на столетнюю привычку учебной литературы в СССР, а затем в России, именовать ее «февральской».

Историк С.П. Мельгунов, ее свидетель, начавший писать свою книгу-документ еще до высылки из России в 1922 г., дал ей название «Мартовские дни 1917 года»¹. В книге выстроена хроника революционных событий марта 1917 г. по документам и воспоминаниям очевидцев буквально по часам: подготовка и отречение императора Николая II, создание Временного Комитета Государственной думы – предшественника Временного правительства, последствия «Приказа № 1», приведшего к развалу российской армии во время войны. Известный русский композитор А.Т. Гречанинов, написавший в марте 1917 г. музыку гимна «Свободная Россия» на стихи К. Бальмонта (первые две строки гимна взяты у Ф. Соллогуба – «свободная Россия, великая страна!»), в своих мемуарах также называл первую революцию не «февральской», а «мартовской»².

Почему такое разногласие в календаре? Если заглянуть в календарь 1917 г., то мы увидим, что первая демонстрация работников Путиловского завода случилась 14 февраля по принятому в Российской империи юлианскому календарю, а это – 27 февраля по григорианскому. В 1917 г. в феврале было 28 дней, следовательно, через день после выступления Путиловских женщин настала весна в Европе. Ес-

* Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Статья подготовлена в результате проведения исследования/работы в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

** Письменная версия доклада, прочитанного в рамках конференции «Россия сто лет после революции: причины и последствия», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. М., 2008 (2 изд.: 2016).

² Гречанинов А.Т. Моя жизнь. Изд. 2-е. Нью-Йорк, 1954. С. 116.

ли посмотреть на это событие с запада, то «мартовская революция» – название правильное³. Получается, что название «Русская весна» может быть вполне точным, тем более, что основное событие – отречение Николая, произошло в марте 1917 г.

Демонстрация работниц Путиловского завода 14 (27) февраля 1917 г.

Что же весна принесла России? Какие перемены случились для тех, кто хотел, думал и приближал их? Каким увидели и попытались осмыслить русские интеллигенты главное событие революционной весны – падение русской монархии? Какие надежды возлагали на будущее страны?

Зная дальнейший ход истории, нельзя не понимать принципиальной разницы в оценке события весны до и после Октябрьского переворота. А. Солженицын, осмысляя мартовские дни 1917 г., дал подробный анализ действий участников из разных социальных слоев, групп и государственных институций. Он писал: «Столетняя дуэль общества и трона не прошла вничью: в мартовские дни идеология интеллигенции победила – вот, захватив и генералов, а те помогли обессилить и трон. Поле струилось сто лет – настолько сильно, что в нем померкло национальное сознание ("примитивный патриотизм") и образованный слой переставал усматривать интересы национального бытия. Национальное сознание было отброшено интеллигенцией – но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе»⁴. Солженицын нашел выразительную, улавливаю-

³ В комментарии к мемуарам Гречанинова отмечается, что переименование этих событий в название «февральской революции» произошло в советское время, вытеснив принятое современниками – «мартовская революция».

⁴ Солженицын А. Размышления над февральской революцией. М., 2017. С. 36.

шую специфику русской культуры пространственную метафору – «поле», которая позволила представить напряжение в раскладе самых разных сил, противостоящих самодержавию в российском социальном ландшафте. Провокацию, запустившую саму возможность отречения царя, Солженицын относит далеко назад. Это – выстрел Каракозова весной 1866 г. Нельзя не отметить, что указанные автором временные рамки – «поле струилось сто лет» – небольшой срок для огромной Российской империи.

Если согласиться с Солженицыным и считать мартовскую революцию победой русской интеллигенции, то важно понять, как эту победу оценивали победители. Две фигуры – Николая Бердяева и Максима Горького – представляют разные группы интеллигенции как по происхождению, роду своих занятий, своим политическим и религиозным убеждениям, так и по личному опыту и практикам отношения к власти. При всех различиях, оба были людьми свободного пера, работавшие писательским трудом, публицистикой и глубоко переживавшие судьбу России и человека, живущего на ее просторах. И тот, и другой, активно публиковали свои наблюдения, размышления и прогнозы в периодической печати. Важно также помнить, что предшествующая революции 1917 г. и сопровождавшая русскую весну Первая мировая война накрепко связала осмысление этих двух исторических событий, а потому в печати и Бердяев, и Горький многократно выступали на военные темы.

* * *

Готовя сборник *Судьба России* (1918 г.) из своих статей о войне, опубликованных в периодике 1914-1918 гг., Бердяев в предисловии, озаглавленном им «Мировая опасность», желал скорейшего завершения войны, что было полной противоположностью его отношения к военным действиям на их протяжении в три с половиной года. Гуманист и религиозный мыслитель Н. Бердяев тогда поддерживал войну: «Никакие жертвы не пугали меня»⁵. Впрочем, в такой оценке он был не одинок. В самом ее начале война мыслилась русским философом «новым историческим измерением», решением «таинственных судеб человечества». В эссе «Мысли о природе войны» Бердяев различал возможность отрицания войны как явления *глубоко индивидуального* и невозможность применения к воюющему миру «абсолютного» («закона и нормы»), на которые можно было бы опереться для предотвращения зла и насилия. Установление мира и ненасилия в период мировой войны, по Бердяеву, есть «таинство» желания Царства Божия⁶. И далее, рассуждая о войне в религиозно-метафизическом смысле, Бердяев считал, что в ней

⁵ Бердяев Н.А. Мировая опасность (Вместо предисловия) // он же. Судьба России. М., 1990. С. XI.

⁶ Он же. Мысли о природе войны // он же. Судьба России. С. 183.

находит свое выражение «трагический ужас жизни». В войне есть «озверение и потеря человеческого облика, но есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме»⁷. «Антиномическое» отношение к войне философа объяснялось им антиномичностью самого христианства: Христос принес *на землю меч*, но Он же проповедовал непротивление злу как *Божью заповедь*.

Бердяев не соглашался с теми, кто считал, что война есть борьба «нравственных складов» воюющих между собой наций, хотя и позволял себе в статьях военных лет немало нелицеприятных характеристик германского народа⁸. При этом он посвятил не одну свою статью рассуждениям о «душах народов»⁹, характеристикам национальных и государственных интересов стран-участниц Первой мировой, а также писал о всеобщем интересе всего человечества¹⁰.

В размышлениях Бердяева о войне наряду с политическими вопросами или, точнее, вместе, а иногда и вместо них, возникали философско-антропологические и религиозные идеи. Этим идеям философ искал соответствующие понятия, уточнял концепты или применял известные понятия несколько в неожиданном контексте. Так он писал, что «война апеллирует не к моральной справедливости, а к онтологической силе»¹¹. В статьях военных лет не раз была высказана уверенность в том, что «онтологическая сила» будет за русской идеей, которая, в свою очередь, питается чувством, свойственным русской душе

⁷ Там же. См. разработку этой темы в статье Бердяева «Война и эсхатология» http://textfighter.org/teology/bogoslov/Berd/biblioteka_berdyaev_n_voina_i_eshatologiya.php.

⁸ «Немецкий бюргер – частный человек, он может быть свободен в своей индивидуальной жизни, и он – раб, член механизма в жизни общественной. У него нет гражданской чести и гражданского достоинства, свойственных расе латинской... Нет у него и нравственной боли о всеобщем благе и всеобщем спасении, характеризующей расу славянскую, того сострадания к людскому горю, которое кладет особую печать на русских, на их мышление, на их литературу. Духовная работа немцев остается чисто индивидуальной, обращенной к культуре индивидуальной души, бессильной одухотворить их историю, перелиться в их общественную жизнь. Средний немец крайне неодухотворен, грубо материален даже по внешнему своему облику. Полное пренебрежение ко всему материальному у немецких мыслителей обратной своей стороной имеет торжество неодухотворенной материальности у немецкой массы. В своем высшем духовном слое немцы могут быть романтиками и провозвестниками высоких идей, но в своей государственной и общественной жизни, в своей всенародной морали они исповедуют культ голой и грубой силы, ничем не просветленной. Роль германской расы в истории всегда отрицательная, и положительным остается лишь творческое дело отдельных ее индивидуальностей» (Бердяев Н.А. Современная Германия // он же. Падение священного русского царства. Публицистика 1914-1922 гг. М., 2007. С. 260. http://www.goldenship.ru/load/filosofija_i_razmyshlenija/padenie_svjashhennogo_russkogo_carstva_berdjaev_n_a/42-1-0-1024).

⁹ См. гл. III: Бердяев. Судьба России... С. 153-174.

¹⁰ См. гл. II: Бердяев. Судьба России... С. 93-116.

¹¹ Бердяев Н.А. О правде и справедливости в борьбе народов // он же. Судьба России... С. 184. В статье о силе и насилии Бердяев развивал эту мысль: «Никакой другой силы, кроме силы духовной, не может быть. Только Бог силен, дьявол же совершенно бессилен, он лишь притворяется сильным, и его власть в мире – призрачная власть. Сильные этого мира в онтологическом смысле могут оказаться самыми слабыми. Русскому народу и русскому человеку необходимо сознание величия силы, ее духовности и божественности. Нам необходимо преодолеть внешнее отношение к силе» (Бердяев Н.А. Сила и насилие // он же. Падение священного русского царства. Публицистика 1914-1922 гг. С. 407).

– «богоизбранности и богоносности». «Бьет тот час мировой истории, – писал Бердяев, – когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества»¹².

Однако случилась русская революция, и Бердяев констатировал: «русский народ не выдержал великого испытания войны», «потерял свою идею»¹³. Бердяев в стилистике пророка, «предсказывающего назад», писал: «я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления»¹⁴. Пытаясь разобраться в произошедшем, он считал, что «вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях»¹⁵, которые разложили русскую армию и государство, но и на либералах. Бердяев готов был включить в список виновных в потере идеи и себя самого: «Все мы к этому руку приложили»¹⁶. И вот, наконец, его запоздалое «покаяние»: «Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предаёт его. Это было безумие, подрывавшее возможность вести войну»¹⁷. Как видим, Бердяев и в 1918 г. после октябрьского переворота, и накануне Брестского мира все еще продумывал возможности продолжения войны с ее благоприятным для России исходом.

Как на эту же тему рассуждал Максим Горький¹⁸? В 1913 г. он вернулся в Россию из Италии, поселился сначала недалеко от Петербурга в Финляндии, а через

¹² Бердяев Н.А. Душа России // он же. Судьба России... С. 1.

¹³ Он же. Мировая опасность (Вместо предисловия) // он же. Судьба России... С. XII.

¹⁴ Там же. С. XIII.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подробно см.: Спиридонова Л.А. Был ли Горький «пораженцем»? (По материалам публицистики эпохи Первой мировой войны) // Русская публицистика и периодика эпохи Первой миро-

год переехал в столицу, где активно сотрудничал с большевиками. Во время войны Горький редактировал большевистские газеты *Звезда*, *Правда*, вел художественный отдел журнала *Просвещение*, с декабря 1916 г. издавал журнал *Летопись*. В своем издательстве «Парус» он инициировал выпуск брошюр о причинах войны в каждой из европейских стран, привлекая к работе известных ученых. С апреля 1917 г. в Петрограде под редакцией Горького начала выходить газета *Новая жизнь*, в которой публиковались как статьи социал-демократов («интернационалистов»), так и меньшевиков, сторонников Мартова. Газета была закрыта в июле 1918 г. по указанию Ленина, обвинившего редакцию во «всяком интеллигентском пессимизме», крайне вредном в обострившейся ситуации лета 1918 г.¹⁹

Горький, считая чрезвычайно важными свои новожи́зненные статьи, собрал их в книгу и издал, как и Бердяев, в 1918 г., назвав «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре». Авторский замысел книги подчинил ее структуру не хронологии выхода статей в газете, а тематическому представлению волновавших автора проблем, по которым Горький и сгруппировал газетные статьи.

Одной из важных тем было отношение к мировой войне. Горький с самого начала военных действий видел войну как «мировую бойню», т.е., по Бердяеву, односторонне, только в мирском ее осмыслении. Еще в журнале *Летопись* он выступал против войны, ведущей к истреблению людей, их «культурному одичанию». Тогда писателя обвиняли в «измене родине» и шпионаже в пользу врага. Падение самодержавия позволило сохранить журнал, «пораженческий» по своему антивоенному духу. Свое понимание мировой войны Горький развивал в четвертом номере *Новой жизни* за 22 апреля (5 мая) 1917 г. Он, по существу, опубликовал инвективу войне как бессмысленному «кровавому кошмару», который привел к безумию людей, способных только разрушать то, что создано «вековым трудом множества поколений»: «Плодоносный слой земли уничтожен взрывами фугасов, мин, снарядов, изрыт окопами, обнажена бесплодная подпочва, вся земля исковеркана, осквернена гниющим мясом невинно убитых. Насилуют женщин, убивают детей, – нет гнусности, которая не допускалась

вой войны: поэтика и политика: Исследования и материалы. М., 2013. С. 145-168. <http://ruslitwwi.ru/files/content/2254/pages-from-politika-i-poetika-korr-12-spiridonova-pdf.pdf>.

¹⁹ См подробнее: Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 8, 39-45.

бы войной, нет преступления, которое бы не оправдывалось ею»²⁰. Горький, не делая разницы между воюющими сторонами, ставит свой диагноз: «Эта война – самоубийство Европы!». Как видим, эти мысли коренным образом отличаются от того, что писал и предполагал Бердяев как в отношении воюющей Европы, так и в отношении России.

* * *

Мартовскую революцию Бердяев встретил в Москве. В *Самопознании: опыт философской автобиографии* Бердяев еще раз констатировал: «Характер русской революции определился тем, что она была порождением войны» и заметил – «есть что-то безрадостное в революции, происшедшей из войны»²¹. Однако он принял «русскую весну». Размышляя о происходящем, пытаясь предвидеть будущее, он активно публиковал свои статьи в журнале *Русская мысль*, еженедельнике П.Б. Струве *Русская свобода*, в общественно-политическом еженедельнике *Накануне* (редактор-издатель М.К. Концевич), в еженедельнике *Народоправство* Московской просветительской комиссии при Временном комитете Государственной думы. Позже Бердяев собрал статьи (апрель 1917 – октябрь 1918) в сборник *Духовные основы русской революции* и предпослал ему «вместо предисловия» «Постреволюционные мысли». Сборник остался не опубликованным при жизни философа...

Несмотря на такую публицистическую активность, Бердяев в автобиографии сообщал, что когда «разразилась революция», он «чувствовал себя чужим и ненужным», «испытал большое одиночество». Чем же это объяснялось? Бердяев писал: «Меня очень отталкивало, что представители революционной интеллигенции стремились сделать карьеру во Временном правительстве и легко превращались в сановников»²². Сам философ при этом сообщает, что принимал участие в уличных событиях первых дней революции. Так, 28 февраля он проник в Манеж и вел разговор с офицером, убеждая его не стрелять в осаждавший здание народ, доказывая офицеру, «что образовалось новое правительство и что старое правительство безнадежно пало»²³. И войска не стреляли.

²⁰ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 85.

²¹ Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М., 1990. С. 211.

²² Там же.

²³ Там же. С. 212.

Демонстрация в Москве 12.03.1917 г. у гостиницы Метрополь.

Бердяев пишет, что он тяжело пережил «бегство русской армии с фронта» и был готов «даже солидаризоваться с генералами старой армии»²⁴, объясняя это традициями военной семьи, из которой происходил. Можно предположить, что данный факт объясняет патриотический пафос Бердяева в его отношении к войне. И после революции философ продолжал считать победу в войне задачей России, аргументируя свою позицию обращением к истории. Бердяев писал о необходимости разрешения «восточного вопроса, завещанного нашему поколению рядом столетий предшествующей истории», и обвинял партии, проводящие антивоенную агитацию, в том, что они «узурпируют волю народа ... будучи меньшинством». Видя в интернационализме угрозу революционным достижениям России, он полагал, что идея прекращения войны означает «защиту Германии и германского социализма, настроенного наиболее империалистически»²⁵.

²⁴ Там же.

²⁵ Бердяев Н. Положение России в мире // он же. Падение священного русского царства. Публицистика 1914-1922. С. 533-534.

В этом контексте интересно свидетельство генерала А.И. Деникина о мартовских событиях в его письме от 8 марта к близким, в котором отречение царя он ни в коем случае не связывал с завершением войны. Напротив, генерал писал о готовности армии продолжать войну и вести ее до победы: «Перевернулась страница истории. Первое впечатление ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения: 1) Возврат к прежнему немислим. 2) Страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию. 3) Конец немецкому засилию, и победное продолжение войны»²⁶.

В статьях Бердяева о русской революционной весне 1917 г. можно найти немало объяснений ее главному эпизоду – отречению царя и падению российского самодержавия. Программой по данному вопросу следует считать статью «Падение священного русского царства», опубликованную во втором номере *Русской свободы* за 1917 г., в которой нашли свое выражение «начала и концы» революционных демократических исканий, самоидентификация философа как «аристократа духа», прозорливые предсказания будущих катаклизмов социального и религиозного порядка, но и надежды на новое процветание России. Нельзя не почувствовать в этом тексте и некоторую растерянность интеллигента перед свершившимся событием российской истории.

Николай II у поезда, где произошло отречение от престола 2 марта 1917 г.

Падение российской империи Бердяев поместил в контекст мировой истории, вспомнив падение Рима и покорение Византии: «пало тысячелетнее священное русское царство... последнее священное царство в мире»²⁷. В политическом эпикиризе краха российской монархии он указал на слабое звено – плохо укор-

²⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Гл. VI. http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html.

²⁷ Бердяев Н. Падение священного русского царства // он же. Падение священного русского царства. С. 509.

ненную связь монархической власти в народной жизни. Теократическая идея в ее российском воплощении сделала Россию «классической страной абсолютизма, деспотизма, бюрократического самовластия», где «власть была оторвана от народа, [...] была непрерывным насилием над народом, рабством его у инородных начал»²⁸. Его вывод – власть *на всем протяжении своего царствования* не была укоренена в народе: «русская абсолютная монархия не была народной и не имела твердой опоры в народе»²⁹. Далее Бердяев подробно пишет о символичности священной власти, материализовавшейся «во плоти», в «земном царстве». Источником рабства народа явилось, как он считал, принятие символа за реальность, иллюзорность воплощения теократической идеи.

По мысли Бердяева, осознание символизма, отказ от него, который уже произошёл в марте 1917 г., позволит преобразовать Россию, открыв возможность «человеческого властвования». Именно оно должно привести к свободе, расчистить дорогу «самоуправлению» человека. На этом пути человек не символически, через земную царскую власть, а непосредственно будет связан с Богом: в самом человеке будет «присутствовать непосредственная духовная реальность», в него вольется «реальная божественная энергия»³⁰. Это и есть *духовная революция*, по Бердяеву, – свершение «мистерии человеческого "я"». «Религиозное сознание должно перейти к парадоксальной истине, – писал Бердяев, – реально божественна может быть лишь антропократия, теократия же всегда лишь символически божественна»³¹. Таким образом, пройдя через практики религиозно-мистических исканий после революции 1905 г., Бердяев находит глубинное метафизическое объяснение падению священного русского царства и определяет философско-антропологическую перспективу мартовской революции.

Однако не надо думать, что Бердяев видел русскую весну только в религиозных одеждах. 29 апреля 1917 г. он написал статью «О политической и социальной революции»³², которая была опубликована в четвертом номере *Русской свободы* спустя неделю. В статье автор не соглашался с определением мартовской революции как «политической» или «социальной», он квалифицировал ее как «буржуазную», вслед за Марксом, видя в ней выражение прогресса в истории: «"Буржуазная" революция сейчас в России и есть не классовая, а сверхклассовая, всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общего-

²⁸ Там же. Заметим, что «инородность» у Бердяева имеет значение «трансцендентности»: «Рабство народа у какой-то инородной ему, трансцендентной власти переживалось, как священное царство. В этом было много специфически русского и восточного» (Там же).

²⁹ Там же.

³⁰ Бердяев Н. Падение священного русского царства. Публицистика 1914-1922 гг. С. 511.

³¹ Там же.

³² Заметим, что статья была опубликована после событий 21 апреля – выступления рабочих и солдат против Временного правительства, свидетельствующих о наличии противоречий в новой России и приведших к жертвам со стороны выступавших. Об этом также отозвался Горький в статье «Об убийстве» в *Новой жизни* (1917. № 5).

сударственные»³³. В полемике, идущей на страницах пореволюционной прессы о характере революции, Бердяев выступал за скорейшее перенаправление революционных сил в реформаторское, эволюционное русло. Он видел опасность в «пролетарской революции», классовой по своему характеру, которая обязательно приведет к «насильственной диктатуре». И, как мы знаем, он оказался в этом суждении абсолютно прав.

Бердяевский концепт «самоуправления человека», как это не покажется странным, определял и позицию Горького в его статьях весны 1917 г., собранных затем в *Несвоевременных мыслях*. Безусловно, реакция Горького на мартовскую революцию не имела ничего общего с религиозно-мистической антропократией Бердяева. Его понимание революции и тех преобразований, в которых нуждалось, по его мнению, российское общество, имело совершенно «земной» характер. В статье «Об убийстве» (*Новая жизнь*, 1917, № 5) писатель обосновывал важность преодоления «подлого прошлого», «хаоса темных, анархических чувств», порожденных «бесстыдным гнетом монархии»³⁴. Как уже было отмечено, в ней – ответ на убийства, которые случились во время демонстрации 21 апреля 1917 г. Горький считал убийство «преступлением против свободного человека». Оно свидетельствует о «внутреннем» рабстве человека, от которого необходимо освободиться также, как недавно Россия освободилась от «рабства внешнего» – самодержавия.

Задачи, которые определял для будущего России Горький, в отличие от предложений Бердяева заключались в необходимости развивать «самоопределение» человека на почве культуры, в области образования, науки, развития интеллектуальных сил, собственного свободного творчества и искусства. В программной статье «Революция и культура» (*Новая жизнь*, 1917, № 1 от 18 апреля / 1 мая) Горький писал: «Теперь в нашей воле показать *самим себе* и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение – в труде, да найдем мы наслаждение в труде»³⁵. Свою статью Горький заключает ставшей знаменитой фразой – «мир создан не словом, а деянием», отсылающей читателя к гётевскому «Фаусту».

Однако Горький, пройдя в молодые годы ногами пол-России, зная мужицкую жизнь³⁶ – работу за копейку, которую легко пропить в кабаке, драку на смерть без

³³ Бердяев Н.А. О политической и социальной революции // он же. Духовные основы русской революции. СПб., С.19-20. Проблема подробнее: Кошарный В.П. Февральская революция 1917 г. в религиозно-философской публицистике (философско-социологический анализ) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. №1. <http://cyberleninka.ru/article/n/fevralskaya-revoljutsiya-1917-g-v-religiozno-filosofskoy-publitsistike-filosofsko-sotsiologicheskij-analiz#ixzz4bakrRhbP>.

³⁴ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 82.

³⁵ Там же, курсив мой – М.К.

³⁶ Заметим, что Бердяев, различая «царство» и «государство», также писал о «мужицком сознании»: «Священное русское царство было прежде всего по основе своей мужицкое царство. Для мужицкого народного сознания государственное единство могло сознаваться лишь символически, лишь в связи с личностью царя, символизирующей государственную и национальную целостность и преемственность. Мужичье сознание, пленяющее донныне и многих представителей

особой на то причины, побои, достававшиеся и жене, и детям, безграмотность, безучастность к ближнему и т.д., и т.п. – не имел иллюзий о возможностях и темпах выполнения сформулированных им культурных задач. В статье от 20 апреля (2 мая) 1917 г. газеты *Новая жизнь* он прямо говорит об этом: «Разумеется, – в два месяца не переродишься, однако, чем скорее мы позаботимся очистить себя от пыли и грязи прошлого, тем крепче будет наше духовное здоровье, тем продуктивнее работа по созданию новых форм социального бытия»³⁷. Он снова повторяет те же мысли с изрядной долей пессимизма в *Новой жизни* от 12 (25) мая 1917 г. о состоянии души российского человека: «Мы не умеем любить, не уважаем друг друга, у нас не развито внимание к человеку, о нас давно уже и совершенно правильно сказано: "К добру и злу постыдно равнодушны"»³⁸.

Чем далее развивались события, тем вопросы культуры все больше поглощались политикой и войной. Горький писал, что отправка на фронт музыкантов, художников, артистов – невосполнимая потеря для русской культуры (*Новая жизнь* от 2 (15) мая 1917 г.). Необходимость разъяснения «народной массе» «трех оснований культуры» – опытной науки, свободного искусства и технически мощной промышленности (о развитии машинного производства много писал и Бердяев) – все это задачи «культурной работы», на которой настаивал М. Горький. Как мы знаем, он не только писал статьи на эти темы, но и был организатором общества «Культура и свобода», занимался охраной памятников культуры и искусства, стал во главе «Особого совещания по делам искусства», участвовал в учреждении «Общества памяти декабристов», «Лиги социального воспитания» и многих других начинаний. Особое внимание он уделял сохранению и развитию отечественной науки, видя в ней безграничные возможности для развития человека. Примеры можно было бы продолжать, но основные идеи и заботы Горького в этот период революционных событий понятны.

* * *

Пора подвести итоги. Анализируя выступления в прессе Бердяева и Горького периода русской весны 1917 г. от марта к маю можно констатировать, что революция и тем, и другим воспринималась как реализация общих интересов, которые виделись в свержении самодержавия и освобождении страны. Бердяев в статье «Мобилизация интересов», написанной 30 мая 1917 г. (была опубликована в июле в *Русской свободе*), определил этот период как реализацию «инстинкта са-

высшей культуры, понимает царство и не понимает государства» (Бердяев. Современная Германия. С. 509). Эти общие рассуждения лежат совсем в другой теоретической плоскости, чем те соображения, которые рождены из собственного жизненного опыта М. Горького.

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ Там же. С. 90.

моосвобождения целого народа», в котором не было «ничего классового и корыстного»³⁹. К маю стало ясно, что само «развитие революции» выявляет и обостряет противоположные интересы, раскрывая, как писал в той же статье Бердяев, *разгульную стихию революции*. Горький в *Несвоевременных мыслях* (статья от 2 (15) мая 1917) пишет, что противоположные интересы формировались, в том числе, и через газетную полемику. И трудно не согласиться с писателем, когда он замечает, что «разоблачая» изо дня в день, из месяца в месяц рост доходов промышленников в печати, не стоит удивляться инстинкту разрушения промышленности народом, ибо полемика «обязывает к односторонности»⁴⁰. Но задача, как ее видел Горький, состояла не столько в обличении. Необходима, в который раз повторял писатель, «культурная работа», чтобы объяснять людям «культурную», «творческую» роль промышленности, ее «государственное значение». Горький пафосно завершал эту статью словами о полезности для интеллигенции посвятить «умы и сердца наши российскому народу для воодушевления его к разумному творчеству новых форм жизни»⁴¹.

Собственно, это обращение к российской интеллигенции с призывом воодушевить народ для творчества новых форм жизни должно было иметь как основание определенный проект или продуманное понимание, каковы могут быть эти новые формы и как их достичь в российской действительности. Именно этот вопрос занимал Бердяева, когда он еще в предреволюционное время опубликовал статью «О гражданстве» в газете *Биржевые ведомости* (7 декабря 1916, № 15969). Обсуждая, что есть *гражданин*, каковы задачи развития государственности и самого человека в России, Бердяев, как и Горький, выдвигал на первый план проблему *преодоления* тех качеств и свойств, которые «признавались навеки русскими и навеки противоположными гражданству»⁴². Бердяев видел в качестве причин, мешающих решению проблемы, «идеализацию» склада русского характера: «Русская душевность, расплывающаяся в стихийности, исключительное смирение, проявляющееся и на вершинах русской духовной жизни, слабое развитие чувства чести, пассивность и слабость сознания ответственности, поглощенность личного начала органическим коллективом – все это свойства, неблагоприятные для выработки гражданского характера»⁴³. Понимая неразработанность не только практики созидания гражданского общества, но и самой идеи гражданства в социальной мысли России, Бердяев писал, что эта идея «тонет, то в идее теократической, в священном абсолютизме, то в социальных утопиях, в абсолютизме социалистическом и анархическом»⁴⁴. Тем самым он не соглашался ни с идеологией славянофильства (идеей «соборности»), ни с идеологией народ-

³⁹ Бердяев Н.А. Мобилизация интересов // он же. Духовные основы русской революции. С. 118.

⁴⁰ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 125.

⁴¹ Там же.

⁴² Бердяев Н.А. О гражданстве // он же. Падение священного русского царства. С. 462.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

ничества (идеей «истинного социализма»). Его понимание гражданства декларирует идею «самосознания личности»: «Гражданин прежде всего – личность, личность, взявшая на себя ответственность за судьбу своей родины и своего народа. Гражданин как можно более возлагает на себя, а не на вне его лежащий коллектив, не на материальную среду и не на быт народный»⁴⁵.

Критическая составляющая этой статьи направлена против разных идейных течений предреволюционной России, в которых он видел причины, направляющие развитие надвигающихся преобразований в неправильное русло: «Славянофилы и народники, черносотенцы и анархисты, крайние правые и крайние левые, Булгаков с его правой религиозной общественностью и Мережковский с его левой религиозной общественностью – одинаково враждебны развитию гражданства в России. Истинное гражданство предполагает овладение личностью народной стихией, а не погружение в нее...»⁴⁶.

Бердяев, однако, вряд ли мог рассчитывать на понимание своих идей той самой стихией народа, которую он мечтал как можно скорее преобразовать, желая русскому обществу «аристократизма гражданского сознания и гражданского поведения»⁴⁷. Будучи сам аристократом религиозно-метафизического духа, не имея большого опыта общения со «стихией народа», Бердяев считал, что на пути к гражданству *сами по себе* появятся «руководящие личности», «граждане-патриоты с ясными образами», которые окончательно освободят русский народ от «зловредной идеи» понимания гражданства как низшего состояния, возвысив гражданство до личной ответственности человека⁴⁸. Эти «сами по себе» личности появились... но как же ошибся философ, надеясь на цивилизованный «путь к гражданству» среди народной стихии!

Идеализация «догражданского» состояния России славянофилами, народниками, русскими анархистами, толстовцами и др. оказалась непреодолимой преградой, как счел Бердяев, чтобы сделать шаг вперед к гражданству свободной личности, «сознавшей свои права и обязанности». Однако и на путях пролетарской революции с ее «руководящими личностями» и «гражданами-патриотами» стихия не поддавалась продвижению к гражданству, лишь присвоила на свой лад имя, отделив «революционных граждан» от «не граждан» нового общества – «буржуев» – и наладив особое средство для быстрейшего успеха процесса этого отделения – Красный террор.

Менее чем через полтора года после опубликования статьи «О гражданстве» Бердяев в предисловии к *Духовным основам революции* написал: ««Любовь к свободе – аристократическое чувство. Любовь к равенству – плебейское чувство. Свобода и равенство – разные боги и глубоко враждебны друг другу. В революциях всегда торжествует бог равенства, а не бог свободы, происхождение рево-

⁴⁵ Там же. С. 463.

⁴⁶ Бердяев Н.А. О гражданстве // он же. Падение священного русского царства. С. 463.

⁴⁷ Там же. С. 464.

⁴⁸ Там же.

люций – плебейское»⁴⁹. Этот заключительный диагноз всему революционному году принципиально отличен от надежд и оценок, которые, как помним, Бердяев формулировал весной 1917 г.

Завершая, стоит еще раз отметить, что и Бердяев, и Горький видели русской весной 1917 г. одну и ту же проблему – необходимость преодоления и преобразования стихийной массы, скорее готовой к разрушению, чем к созиданию в набирающей новые обороты революции. И оба, как показали дальнейшие события, уловив опасность революционной стихии, не смогли повлиять на нее. Ситуации, заставившие каждого из них покинуть Россию, были разными. Инициатива Ленина о высылке «контрреволюционной» интеллигенции из России «философским пароходом», на котором 29 сентября 1922 г. Бердяев среди других российских интеллигентов навсегда покинул Россию, так же как и настоятельный совет большевистского вождя отправить лечиться пролетарского писателя Горького в 1921 г. в Финляндию, была, в сравнении с Красным террором, «гуманной». Причиной таких действий новых властей был один интерес – быстрее убрать критиков из страны Советов после октябрьского переворота 1917 г.

⁴⁹ Бердяев Н.А. Пореволуционные мысли (Вместо предисловия) // он же. Духовные основы русской революции. С. 9.